

1946

№ 9

1-й кв

ЗВЕЗДА

9

СЕНТЯБРЬ

1946

Академик Е. В. Тарле

ПОСЛЕ НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА

Вот и окончился нюрнбергский процесс. Когда выйдут в свет томы его стенограмм (они уже готовятся к печати), внимательное, детальное, научное изучение их позволит систематически подвести итог всем основным выводам из этого материала, из этих сухих, деловитых, юридически уточненных процессуальных документов и протоколов «за номером».

Припомним и свои впечатления, и отзывы мировой прессы в том порядке, в каком они откладывались с начала процесса в общественном сознании. Много, очень много мы знали уже и раньше. Я говорю в данном случае именно о советской, а вовсе не о всей мировой общественности. Я прекрасно помню статью в «Таймсе» после «находки» первых концлагерей английскими и американскими войсками в самой Германии в Бельзене, Дахау и других местах и освидетельствования трупов замученных людей и опросов немногих уцелевших. Вот слова «Таймса»: «да, мы должны теперь извиниться перед русскими, мы все время думали, что они преувеличивают».

И все-таки, хотя советская общественность хорошо знала о Майданеках и Освенцимах, хотя, в частности, лично мы, имевшие высокую честь состоять членами Чрезвычайной Государственной Комиссии с первого дня ее основания, и начитались и наслушались достаточно от непосредственных правдивых свидетелей обо всем, что фашистские злодеи творили над безоружным населением нашей родины, — но недоставало кое-каких уточнений, которые мог дать лишь нюрнбергский процесс.

Только что мы упомянули, что пришлось менять критерии и привыкать к иным масштабам. Все классические, так сказать, оставшиеся в людской памяти уголовные злодеяния показались какими-то ничтожными происшествиями. Что такое описанный Тургеневым Тропман, убивший шестерых детей, когда немцы убили двенадцать миллионов человек мирных жителей, ничем перед ними (по их же собственным словам) не провинившихся? Сколько было детей в числе этих двенадцати миллионов? Статистика имеет

какие-то методы предположительных вычислений. Во всяком случае убитых детей было не шесть человек... Что такое Ландрю, который сжег в печке четырнадцать убитых им женщин, в сравнении с теми, кто, для ускорения, не успев убить, бросал в газовые печи живых людей, и не четырнадцать человек, и не четырнадцать тысяч, и даже не сто сорок тысяч, а много больше? Конечно, мы и до Нюрнберга знали, что гитлеровской шайке удалось чуть ли не целое поколение немцев, своих соотечественников, превратить в убийц и воров и приготовить грандиозную, небывалую по своей многочисленности, разбойничью банду, буквально на все готовую и давным-давно забывшую о совести, о жалости, о простом стыде. Это мы очень хорошо знали. И я уже не удивился, когда, присутствуя на одном из процессов военных преступников в Ленинграде в 1945 году, наблюдал и слушал подсудимых. Председатель суда говорит лейтенанту: «Вы утверждаете, что вы убили в этот день 37 колхозников, встреченных вами в пути, но ведь в вашем показании на предварительном следствии вы признали сами, что убили тогда 79 человек?» Лейтенант морщит лоб, на секунду задумывается и с любезной улыбкой отвечает: «Ах, простите, это вы, очевидно, посчитали также и тех, которых я убил на обратном пути? Совершенно верно, я совсем забыл». Он, с невольной добродушной усмешкой над собственной рассеянностью извинился с полной готовностью так, как если бы ему сказали: «Вы выкурили десяток папирос, как же вы говорите, будто выкурили только пять штук?» Я сидел в первом ряду в зале, в пяти шагах от скамьи подсудимых, и не спускал глаз с лейтенанта. Ничего особенно зверского в его лице не было, хотя по содеянному им лично он был равен нескольким Тропманам и Ландрю вместе взятым: обыкновенная, туповатая, немецкая офицерская физиономия. Нет, это был гитлеровец, один из миллионов орудий разбоя и грабежа, с блестящим успехом изготовленных за двенадцать лет фашистской бандой, провозгласившей торжественно и официально в речах и в плакатах устами Геринга: «Я ставлю ставку на негодая», и устами Гитле-

ра: «Пусть каждый немецкий юноша будет ловок, быстр и жесток, как молодой пес». Но вовсе не эти неслыханные масштабы злодеяний могли удивить в нюрнбергском процессе. Мы отвыкли уже за время войны удивляться по такому поводу. И привыкли к новым масштабам и к установленным немецкими фашистами новым, недостижимым мировым рекордам уголовных преступлений.

Удивление, которое внушил нюрнбергский процесс с первых же месяцев, когда стала разворачиваться эта чудовищная панорама, было внушено некоторым особым характером тех фактов, о которых можно было догадываться, в которых даже должно было не сомневаться, но которые только в Нюрнберге предстали во всей психологической и исторической значимости. Ни газеты, ни показания очевидцев, ни громадный и бесспорный документальный, строго обследованный и засвидетельствованный с соблюдением суровейших юридических форм материал нашей Чрезвычайной Государственной Комиссии, ничто не могло дать картины того, что творилось в недрах, в самой затаенной глубине этой чудовищной сложнейшей преступной организации, никогда еще в таком виде и в таких размерах на свете не существовавшей. И никакие частичные процессы военных преступников, пойманных с поличным и судившихся у нас на местах их преступлений, тоже не могли, по существу дела, дать картины того, как работал скрытый от людских взоров центр этой преступной ассоциации. Только нюрнбергский процесс мог выполнить и выполнил эту необходимую функцию.

И когда стала одна часть этого чудовищного механизма за другой постепенно вскрываться на процессе двадцати двух злодеев, которых одного за другим изловили и засадили на скамью подсудимых, тогда только с особой силой обнаружилась перед лицом всего человечества смертельная опасность, грозившая цивилизации и устроенная Советским Союзом, его вождем и его армией. Слаженность, исправность, бесперебойная и непрерывная деятельность этого сложного механизма, созданного для уловления, удушения, порабощения целых народов, — все это было в самом деле разработанным в деталях гигантским заговором, против которого долго оказывался бессильным «земной шар на пять шестых», как выразился, говоря по поводу Сталинграда вскоре после сдачи остатков армии Паулюса, один американский радиокomentатор. Тогда в Америке еще все это помнили и часто восторгались геройским населением именно той «шестой части» земли, которая и спасла остальную землю... Забывчивость напала на американских радиокomentаторов лишь попозже.

Нюрнбергский процесс выяснил полностью и еще многое до него оставшееся не вполне понятным. Он дал прямой ответ на вопрос, казавшийся загадочным: чем объясняется не только абсолютное презрение берлинской верховодящей шайки и ее сателлитов ко всяким статутам международного права, не только чудовищные злодеяния, совершаемые без малейшей необходимости, но и прямая похвальба этими зверствами? Чем объясняется, что

трусливый румынский вор Антонеску, что взяточник и платный агент гестапо Пьер Лаваль, что Тисо, Михайлович, Филов, Рютти, Таннер и прочие Квислинги всегда обнаруживали такой нарочитый, вызывающий, громогласно собой любующийся цинизм? Ответ дан: русского реванша не будет, потому что русских не будет. Югославского реванша не будет, потому что Югославии не будет. «Практически война уже окончена», сказал Гитлер 11 ноября 1941 года венгерскому министру. Почему маститый французский порнограф (и академик) Абель Эрман, раздавая в 1942 году на торжественном собрании в Сорбонне награды французским «добровольцам», проданным Лавалем Гитлеру по сходной цене и сражавшимся против Советского Союза, воскликнул: «Только в крепком единении с великим германским фюрером найдет Франция покой и благосостояние»? Ведь более раболепной и трусливой, откровенно эгоистической и своекорыстной душонки, чем Абель Эрман, почти невозможно было найти даже в растленном обществе лавалевской Франции. Откуда же такая храбрость, такая прыть, такое молодецкое сжигание за собой всех кораблей, такая полная готовность к действиям и словам, после которых возврата уже нет? Да все оттуда же. Все 22 подсудимых не скрывали, что они были на сто процентов уверены в полной победе и в том, что ни малейшей неприятности за все, что они творят, не последует. «Убивайте! Это я убиваю, а не вы, моя ответственность!» вопил от всего своего жирного чрева Геринг. И он просил, чтобы все его слова, изречения, приказания, похвалы, порицания непременно заносились на пленку. Чтобы ничто не пропало для восхищенного потомства! Когда Риббентроп давал знать Японии, что немцы и японцы вскоре встретятся на Сибирской железной дороге, то, конечно, ему очень хотелось, чтобы эти исторические слова не были забыты, после того как самый факт совершится. «Сегодня ты меня снимаешь у Эйфелевой башни», воскликнул Геринг своему фотографу: «а завтра снимешь меня в Букингемском дворце, а послезавтра около небоскребов в Нью-Йорке!» Весь свет победим, не только там какую-нибудь Европу! А победителей, как известно, не судят!

На нюрнбергской скамье подсудимых сидели именно те люди, которые не только крепко поверили Людендорфу, открывшему им великую тайну грядущей победы, но и решили, что сам Людендорф не идет до конца, до всех логических выводов из своего счастливого открытия о «тотальной войне». Война 1914—1918 гг. проиграна потому, что она не была тотальной. Хотите выиграть следующую войну? Ведите ее так, как должно вести тотальные войны. Но гитлеровская банда считала, что нужно не *воевать* с населением враждебных держав в тылу, но *истреблять* его, и не только в видах достижения победы, но и затем, чтобы вконец навсегда обескровить чужой народ, чтобы эта новая война была *последней*, чтобы пересмотра, реванша уже никогда больше быть не могло. Генерал Штюльпнагель, «наместник»

Гитлера во Франции, десйник Геринга, Кальтенбруннера и Кейтеля, сказал еще в 1942 году крылатое слово: «Мы не можем проиграть эту войну, даже если бы стратегически мы были бы побеждены, потому что мы уже во время оккупации неприятельских земель истребили столько населения, что эти народы уже никогда не поднимутся». Эту фразу он произнес не во Франции, а на территории Советского Союза.

Вывод был очень простой: какое там международное право! Какое «общественное мнение»? Перед кем победоносному немцу стесняться? Перед немногими уцелевшими рабами, трепещущими за свою жизнь, случайно уцелевшими в качестве немецкого «рабочего инвентаря»? Русские? Русских никаких не будет, а будут «восточные рабочие».

После рассмотрения преступлений двадцати двух обвиняемых, суд перешел к вопросу (и вынес бы решение) о преступности, о криминальной природе самих *организаций*, посредством которых берлинская шайка творила свои дела. Это было важно и принципиально и в узко юридическом отношении: в случае признания организаций преступными, самый факт принадлежности к ним объявлялся преступлением и участник мог быть подвергнут наказанию за одно лишь участие в них. И вот, прошли одна за другой речи четырех прокуроров, после которых была вочию доказана *преступность*: гестапо, всех отрядов охраны (СД), всех отрядов безопасности СС, отрядов СА, командования армией и флотом и, наконец, гитлеровского правительства в целом. Да, быть министром в гитлеровском «кабинете», в самом деле, значило обнаружить глубочайший разврат души, полное отсутствие чего бы то ни было похожего на честь, на мораль, на нравственное сознание.

Очень жаль, конечно, что суд не сделал прямого вывода из этих доказанных фактов и не включил гитлеровское правительство, генеральный штаб и организацию СД в список преступных организаций. Не только полная готовность к самым страшным злодеяниям, но и непременное, активное участие в них вполне гарантировались и неопровержимо доказывались самым пребыванием в кабинете, управлявшем Германией при Гитлере. Все это мог выявить и выявил и доказал только нюрнбергский, «центральный» процесс. Но этого мало. Были узнаны и судебно удостоверены такие факты, которые без подобной авторитетной санкции могли бы все-таки показаться не исторической действительностью, а фантастической страницей из приключенческого романа. Разве кто-нибудь знал, что в немецком штабе решено было переодеть своих солдат и пограничников в польские мундиры, перестрелять их, тут же перестрелять еще нескольких своих солдат в немецких мундирах. — а затем заснять при иностранных корреспондентах всю эту картину побоища для доказательства, что поляки перешли границу и начали первые бой против Германии? Разве кто-нибудь из самых ярых ненавистников гитлеровского режима когда-нибудь рисовал себе картину деловой сдачи (со всеми прие-

мами аккуратнейшей бухгалтерии) в государственный банк Германии для хранения в правительственных сейфах — женских кос, отрезанных у убитых (и предназначенных к продаже парикмахерам), колец, серег, вырванных из ушей, золотых пломб из зубной полости, похищенных у убитых и замученных в концлагерях? Не только никогда ни одно государство этого не делало, но подобных обвинений никто ни на одно государство никогда и не возводил, просто потому, что подобное как-то и присниться не могло. Даже и гитлеровских правителей вплоть до нюрнбергского процесса в этой деловой сдаче и приемке в государственном банке женских кос и выломанных челюстей никто не обвинял.

Но деятельность министерства финансов и государственного банка по части сначала хранения («первоначального накопления»), а потом по части «отоваривания» кос и зубов, и широкая постановка министерством промышленности выделки портфелей и других полезных вещей из содранной в концлагерях человеческой кожи — все это не могло затмить раскрывшейся на процессе во всю ширь активности третьего министерства из состава гитлеровского правительства: министерства иностранных дел. Здесь система провокаций, приемы нападения внезапных и тем более беспощадных, организация террористических «устранений» неудобных лиц из дипломатии или администрации чужих государств, методы клеветы, бесстыжей лжи, фальсифицированных покушений, — все это торжествовало невообразимо. Цель была ясна и (перед Сталинградом) высказывалась вполне откровенно и определенно: господство Германии над старым светом — от Владивостока до Ламанша, потом от Ламанша до Ирландии, — а после покорения Англии можно подумывать и о заатлантических небоскребах. Геринг, как выше упомянуто, думал о «небоскребах» вполне определенно еще в 1940 году. И Риббентроп с лживыми посулами, с очередным, заготовленным наперед клятвoprеступлением и лжесвидетельством, с подлогами в портфеле, с угрозами и ласками на языке развешающийся по столицам, и фон Папен, бросающий под себя самого хлопущий «бомбы», и гнуснейший палач, грязный мерзавец Гиммлер, с ног до головы залитый кровью ни в чем и ни перед кем неповинных людей, прибегающий к дружеским услугам любезного шведского графа Бернадота для начала мирных переговоров с англичанами и американцами, — «все промелькнули перед нами, все побывали тут»...

Не было на памяти человечества более омерзительной и более опасной моральной чумы, чем фашизм, и нельзя было наложить на него более позорное, более неизгладимое клеймо, чем это сделал нюрнбергский процесс.

На заключительной стадии процесса рассматривалась преступная роль и уголовная ответственность уже не двадцати двух подсудимых, а тех государственных организаций, посредством которых они организовывали агрессии, проводили их до конца, разлагали всю общественность в странах про-

тивников, создавая там, на местах, пятые колонны, мучили, убивали, пытали, удушали в газовых камерах. И эта заключительная стадия процесса была, пожалуй, наиболее поучительной.

Ведь следует лишь вдуматься в то, о чем не говорили ни лорд Лауренс, ни обвинители, потому что не их и задача была об этом распространяться во время судебного разбирательства. Но об этой черте, о которой сейчас будет идти речь, настойчиво и с привкусом некоторого довольно наглого вызова всякими путями пытались неоднократно напоминать защитники. Сформулировать эту черту можно так: да, совершенно верно, гитлеровцы не только поставили на свою службу уже существовавшие в Германии до них учреждения, вроде министерства иностранных дел и всех других министерств, что было вполне естественно, раз им удалось захватить бесконтрольную верховную власть над страной, но они создали целый ряд других сложных организаций с совершенно нескрываемой целью подготовить захват и ограбление остальной Европы. Как же это стало возможным, когда одного окрика со стороны Англии и Франции было бы достаточно (это теперь категорически признают немцы самых различных партий), чтобы не только в 1933, но даже и в 1935 и в 1936 годах обуздать разбойничью банду, открыто, весело, с песнями, с нюрнбергскими факельдугами, с бубнами и литаврами готовившую нападение и точившую нож? Почему позволено было создать огромное отделение нацистской партии (со всеми функциями государственной власти) с признанной, гласно заявленной целью насаждать несуществующий бретонский «кельтский» сепаратизм во французской Бретани и Нормандии, поощрять фламандский сепаратизм в Бельгии, словацкий — в Чехословакии? Почему гестапо могло беспрепятственно и заведомо безнаказанно снарядить и отправить усташей на убийство Луи Барту и короля югославского Александра в октябре 1934 г. в Марселе? Ведь и для создания и полного развития этих обширных учреждений и для абсолютно беспрепятственной их деятельности нужно время, и это время щедро было дано гитлеровской шайке. Защитники Геринга, Риббентропа, фон-Папена в своих бесконечно длинных речах ставили в разной форме по разным поводам вопрос, который можно сформулировать так: почему гитлеровцев судят за то, что им всецело разрешали делать шесть лет подряд, с 1933 по 1939 год? Почему, например, «наш» (защитники солидаризировались с подсудимыми) корят за гибель Испанской республики, когда эта республика была, очевидно, вредна для Европы, ибо если бы она не была вредна, то лорд Плимут, председатель «Комитета по невмешательству», не позволил бы нам, немцам, вмешаться в испанские дела, а убежденный сединой, заслуженный вождь французских социалистов, он же (тогда) первый министр Франции, г. Блюм, вероятно, разрешил бы законному правительству Испанской республики ввоз уже закупленного и оплаченного

сполна оружия из Франции? Не так ли? — назойливо приставали защитники. Тени Невилля Чемберлена, лорда Плимута, Лавалля, Даладье и бесчисленных им подобных постоянно реяли в зале суда, когда защитники называли их имена, — а они их называли часто, — имена как покойников, так и благополучно сейчас еще здравствующих попустителей и укрывателей нюрнбергских подсудимых. Что защитительные речи были почти сплошь сами по себе гнуснейшими фашистскими агитационно-митинговыми выступлениями, презренными попытками оправдать деяния фашистских злодеев, — об этом много говорить не приходится, но что, если бы не попустители и укрыватели, то «подзащитные» изверги не могли бы без всяких, сколько-нибудь достойных внимания усилий скрутить так быстро по рукам и ногам почти всю Европу, — это после нюрнбергского процесса выявилось в таком неуомимо ярком свете, как никогда раньше.

Что ответит история на вопрос о попустителях и укрывателях, — это можно легко предугадать. А что отвечают еще уцелевшие бывшие тайные и явные сообщники, это мы уже знаем. Некоторые (вроде Пьера Дюбуа, усердного лавалевского публициста из «Пти паризьен»), бия себя покаянью в перси, скорбно называют: «какие мы были слепые! как мы ничего не видели!» Другие, понахальнее, вроде Даладье, так прямо и похваляются: да, совершенно верно, он позволил вывозить пушки с заводов Шнейдер-Крезе в Амстердам. Но ведь он не знал, что они оттуда пойдут в Германию, он думал, что их повезут в Эстонию, Латвию и Литву, чтобы дать, как его газета писала, этим «маленьким форпостам европейской культуры» возможность выступить в нужный момент против «большевиков». Наиболее хладнокровные (хотя и не менее враждебные Советскому Союзу) вроде Гендерсона, британского посла в Германии в 1938 году, т. е. в год мюнхенской позорнейшей отдачи Чехословакии Гитлеру, махнули рукой и не очень пробовали даже оправдываться, после того как Красная Армия вошла в Берлин и когда весь позор и вся непроходимая глупость политики Чемберлена стали вполне очевидными даже для слепых. Не мог же старый дипломат, в самом деле, повторить оправдание одного из свиты лорда Лэсселя, побывавшего в 1937 г. с миссией у Гитлера. Когда этого молодого секретаря укоряли и стыдили потом в Англии, что ему пришлось пожать руку Гитлеру, то он ответил: «но, ведь, я сейчас же после этого около пяти минут мыл руки глицериновым мылом». Вероятно, Даладье позавидовал этому молодому англичанину, человеку маленькому, подчиненному, которому незначительно было искать слишком затейливых выходов из затруднительного положения.

По ассоциации мыслей, которую читатель поймет без малейшего труда, перейдем от бывших покровителей гитлеризма к одному, очень обратившему на себя всеобщее внимание факту, отмечавшемуся очень настойчиво и в американской и в английской

арессе: в течение этого долгого нюрнбергского процесса всякий раз, когда на международных конференциях сначала в Лондоне, потом в Нью-Йорке, потом опять в Лондоне, потом в Париже обострялась полемика и явно портились настроения участников конференций и обострялись их разногласия, немедленно это отражалось на поведении нюрнбергских подсудимых и особенно их защитников. Тон становился развязнее, аргументация нахальнее, протесты против мнимых нарушений прав защиты чаще и придиричливее... Чтобы воспрянуть духом, этим покрытым кровью злодеям и их достойным юридическим соратникам по судебной борьбе достаточно было, повидимому, хоть беглого слуха, хоть отдаленного намека на раздор между победителями.

Эти характерные настроения необычайно отчетливо бросались в глаза присутствовавшим на процессе. Однако в 1946 году надежды погасли. Подсудимые должны были понять, что не для них взойдет заря... Во всяком случае, не для них лично.

На суде раздавался голос обвинителя Руденко, говорившего от имени семи миллионов павших в СССР жертв фашистской агрессии. Оттого и голос его звучал так громко, и не сутяжническим разглагольствованиям защитников гитлеровцев и гитлеризма было его заглушить.

Кара злодеям, восседавшим на скамье подсудимых, была неизбежна. Но мировое правосудие еще пока не исполнило, к сожалению, самой существенной своей задачи. В Греции, в Испании и кое-где еще местные Кальтенбруннеры пытаются и убивают тех, кого пытали и убивали нюрнбергские подсудимые в Германии и в покоренных ими странах, новые Риббентропы и фон-Папены занимаются не менее ретиво организацией «пограничных инцидентов» и подготовкой новых войн, и местные Геббельсы, и не только «местные», красноречиво предупреждают ежедневно своих слушателей и читателей о коммунистической опасности. И покровители у них те же приблизительно, какие были у их немецких образчиков и первоучителей, начиная с 1933 года.

А все-таки разоблачения нюрнбергского процесса — известный шаг к грядущему, неизбежному, хотя, может быть, и не близкому искоренению фашистского чудовища там, где оно еще уцелело.

Сказать, что нюрнбергский приговор полностью удовлетворил всех, кто следил за ходом этого неслыханного по своей грандиозности судоворения, к сожалению, все-таки нельзя. Необъяснимое, кажущееся просто невероятным оправдание черного злодея, фашистского сверхпровокаатора фон-Папена, который гораздо более реально участвовал в подготовке агрессивных войн, чем добрая половина его «коллег» по скамье подсудимых, оправдание Шахта, так «рентабельно» поставившего в имперском банке дело организации оптового склада золотых и серебряных вещей, содранных с замученных в концлагерях жертв, оправдание Фриче, которого называли в Германии «вторым Геббельсом», — все это, конечно, мешает полноте чувства морального удовлетворения.

Но, при всем том, должно приветствовать и то, что сделано нюрнбергским судилищем.

Агрессивная война признана тяжчайшим из всех уголовных преступлений, так что, по сути дела, отныне преступными должны считаться и все прямо указывающие на подготовку к ней действия: и клеветническая, разжигающая международную вражду пропаганда, и захваты «баз» и плацдармов на чужих островных и материковых территориях, и навязывание слабым чужим народам путем прямого военного вмешательства ненавистных этим народам фашистских агрессивных диктатур и опереточных королей... Наивно было бы думать, конечно, что уроки нюрнбергского процесса сразу окажут реальное воздействие на нынешних и будущих поджигателей войны и что они прекратят делать свое черное дело. Но, во всяком случае, процесс и приговор сделали немало для просветления сознания широчайших народных масс во всем мире и для внушения им отвращения к тем провокаторам новой резни, кто стремится повести народы на убой во имя новых захватов, во имя гнусных расчетов личного и группового обогащения, во имя беспрепятственной дальнейшей эксплуатации трудящихся.